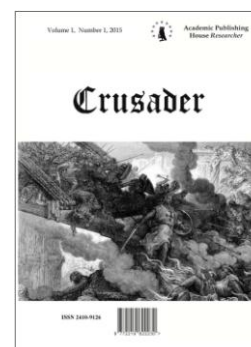

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Crusader
Has been issued since 2015.
ISSN: 2409-6288
Vol. 1, Is. 1, pp. 4-22, 2015

DOI: 10.13187/crus.2015.1.4
www.ejournal29.com

UDC 94(100)“11/12”

Military-political and Dynastic Princes Russian Contacts with the Crusaders XII – Early XIII Centuries

¹ Viktor Muderevych
² Inna Kubaj

¹ Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine
2a, Haidara St., Chernivtsi, 58016

PhD (History)

E-mail: pjetro@rambler.ru

² Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine
4b, Entuziastov St., Chernivtsi, 58016

PhD (History)

E-mail: innakubay@rambler.ru

Abstract

The article is dedicated to the problems of military-political contacts between the Russian princes and Crusaders. In particular, it was considered the relationship of the princes with the Scandinavian, German, Czech and Polish parties of military campaigns on the Middle East. Chronologically, these symptomatic contacts were limited by the period of the first four crusades. The Rusychi did not participate in the Crusades, however, they had repeatedly entered into relationships with their participants. Often, for the sake of personal interests. Special attention is paid to the dynastic ties of princes with the European Crusaders, who played a fundamental role in the translation of crusading ideas into the territory of Kievan Rus. Due to this we are able to understand the reception of these ideas in the ancient social and cultural space. Of particular interest is the reflection of ancient chroniclers about the events related to the crusading movement.

Keywords: crusades, Prince of Kievan Rus', Old Russian diplomacy, Scandinavian crusaders.

Введение

Крестовые походы на Ближний Восток, как известно, представляли собой длительный военно-политический конфликт между христианскими и мусульманскими государствами. Он возник как результат сложных трансформационных процессов в тогдашнем европейском социуме, что привело к определенной поляризации и конфронтации сил на евразийском цивилизационном пространстве. Таким образом, крестовые походы целесообразно рассматривать в широком контексте эволюции средневекового общества, которое формировалось на почве взаимоотношений между народами и государствами с присущими им полярными духовными доктринами, и где религиозная нетерпимость сыграла роль своеобразного катализатора и привела к так называемой «священной войне». Однако разделение на «своих» и «чужих» – христиан и нехристиан – было лишь «вершиной

айсберга» сложных, вместе с тем, нерешенных, спорных вопросов, связанных с геополитическими коллизиями конца XI–XII вв., которые возникали между христианами и мусульманами. Ответ на которые должна была дать война за освобождение от неверных Гроба Господнего в Иерусалиме. Крестовые походы (как религиозный конфликт) также существенно повлияли на характер международных отношений эпохи Средневековья.

В историографии давно сформировалось убедительное мнение, что Киевская Русь не принимала участия в Крестовых походах. Тем не менее, с присущей долей вероятности не стоит исключать возможность военно-политических и династических контактов русичей с крестоносцами. Более того, древнерусские источники подтверждают рецепцию крестоносных идей на Руси. Древнерусская рефлексия главных идей и мотивационных приоритетов крестоносцев у современных исследователей сомнения не вызывает, ведь это противостояние было чрезвычайно актуальным в частности на фоне борьбы с кочевниками (половцами), которые постоянно беспокоили границы древнерусского государства. Стоит подчеркнуть, что победные походы Святополка Изяславича (1093–1113) и Владимира Всеволодовича (1113–1125 гг.) первой половины XII вв. были правильно названы историками «крестовыми походами» [69, с. 180; 72, с. 52-53]. О чем свидетельствуют упоминания в Ипатьевской летописи о битве на речке Сольнице в 1111 году, которая стала решающей в русско-половецком противостоянии этого времени. Летописное описание битвы, безусловно, связано с событиями на Ближнем Востоке, где крестоносцам пришлось противостоять туркам-сельджукам и Прибалтике. Где война велась против нехристианских народов Европы.

Материалы и методы

Эти события хорошо описаны в работах Б. Рыбакова [69, 70], А. Сахарова [72], В. Пашуто [58, 59], М. Котляра [42, 43, 44], А. Головки [10, 11, 12], А. Назаренко [54, 55, 56], М. Заборова [32], Г. Лозинского [104], А. Каждана [35, 99], П. Толочко [76, 77], А. Головки [10; 11; 12] и др.

Следует обратить внимание на тот факт, что военно-политическим контактам Руси с крестоносцами в тематической историографии уделяется достаточно мало внимания. Анализ вышеописанной проблематике ограничивается преимущественно краткими заметками в работах общего характера, поэтому комплексное исследование сделает возможным заполнение малоизвестной лакуны в истории международных отношений Киевской Руси конца XII – начала XIII в. Такое положение вещей, вызванное в основном ограниченностью существующих источников и фрагментарностью их показаний.

Принимая во внимание данный аспект, целью и задачами публикации будет с помощью анализа, его компаративных составляющих и историко-филологического синтеза отдельных свидетельств источников, реконструировать фрагментарные данные о контактах удельных русских князей с латинскими крестоносцами Ближнего Востока, которые хронологически приходятся на период первых четырех Крестовых походов (1197-1204).

Исследование базируется на информации Ипатьевской [64], Лаврентьевской [63], Новгородской [57] летописях, а также греческих и латинских источниках. В частности, «Алексиада» Анны Комниной [40], «История со времен правления Иоанна Комнина» Никиты Хониата [83], «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов» Иоанна Киннама [37]. Наряду с этим довольно интересная информация содержится в «Хронике Иерусалима и Антиоии» [103], «Великопольской хронике» [5], хрониках Оттона Фрейзенгерского [106], Ордерика Вителія [105], Викентия Парижского [110], а также норвежских норативных источниках [95, 109].

Взаимосвязи между латинскими крестоносцами и русскими удельными князьями занимают видное место в истории международных отношений Юго-Западной Руси XII – начала XIII в.

Обсуждение

Первые контакты русичей с латинскими крестоносцами относятся к периоду Первого крестового похода и связанные с паломничеством в Святую Землю первой жены Владимира Мономаха Гиды, которая была дочерью последнего англосаксонского императора Харальда

Годвинсона (январь-октябрь 1066). Информация об этом дошла до нас в письменном норративе из монастыря в Кельне «Чудо Святого Пантелеймона о короле Харальда». Хорошо известно, что Харальдом называли сына Владимира Мономаха Мстислава Владимировича (Великого) (1125–1132), что дает убедительные основания связывать именно с ним содержание данного источника (все последующие цитирование памятника в статье представлены по А. Назаренко). Автор этого средневекового произведения (известный церковный писатель первой половины XII в.) Сообщает, что однажды, на охоте, Мстислав был смертельно ранен медведем. Его мама Гида, которая поддерживала тесные связи с монастырем Святого Пантелеймона в Кельне, обращалась к своему покровителю (Св. Пантелеймону) с молитвами о выздоровлении. Мстислав чудом выздоровел, а мать получила серьезный повод для паломничества в Палестину. Гида и раньше пыталась совершить паломничество в Иерусалим, но сын не отпускал ее, несмотря на опасную политическую ситуацию в ближневосточном регионе. Однако после чудесного выздоровления Гида заявляет: «Ergo et ego Iherosolimam te non obsistente proficicar» («теперь я отправлюсь в Иерусалим, потому что ты не станешь тому препятствовать») [56, с. 78; 54, с. 632]. Согласно содержанию источников «et mater fidelis peregrinationis votum gaudens adimplevit» («мать с радостью осуществила благочестивое паломничество») [56, с. 78; 54, с. 632].

Хронология событий выглядит следующим образом. Согласно убедительным выводам А. Назаренко, Мстислав выздоровел около 1097 г., а мать отправилась в Палестину примерно в 1098 году [54, с. 632]. Исходя из приведенных суждений, русские паломники находились в Палестине примерно с участниками первого крестового похода. Скепсис В. Кучкина в данном случае совершенно обоснованный, поскольку Гида была чрезвычайно религиозным человеком, идеи крестоносцев еще больше вдохновили ее на паломничество. Кроме того, находясь в лагере профессиональной рыцарской армии, она чувствовала себя значительно безопаснее. Еще одним доводом в пользу нашего утверждения выступает тот факт, что после смерти своего отца Харальда, погибшего в битве при Гастингсе 1066 г. против Вильгельма Завоевателя (1066–1087), она находилась на территории Фландрии, откуда родом руководители Первого крестового похода. Таким образом, можно с уверенностью констатировать: Гида находилась в Святой Земле с отрядами крестоносцев. К сожалению, никаких дополнительных свидетельств в источниках мы не находим. Только известно, что она погибла на территории Палестины на рубеже 1097–1098 гг. Так как, по словам А. Назаренко, Мономах на рубеже 1098–1099 гг. женился во второй раз [54, с. 633].

Однако на этом наши свидетельства об участии русичей в Первом крестовом походе не исчерпываются. В «Истории Иерусалима и Антиохии» («Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe»), в описании битвы при Никее 1097 г. упоминаются «de Rossie» [103, s. 621]. В. Папуто и Г. Лозинский в своих работах не имеют никаких сомнений в подлинности данного источника [58, с. 140–141, 104, s. 256]. Другой точки зрения придерживается М. Заборов, подвергая критике вышеупомянутую хронику [32]. Учитывая все замечания, трудно однозначно интерпретировать данную сентенцию, ведь никаких параллельных исходных свидетельств на сегодня не обнаружено. Методологически ошибочным будет предположение, что упоминание «de Rossie» касалась паломнического отряда Гиды, поскольку она, несомненно, находилась в сопровождении военного отряда. Учитывая исторический анахронизм (Никея была захвачена крестоносцами 18–19 августа 1097 г., в то время как Гида отправилась в путешествие не раньше 1098 г.) следует добавить, что логические обобщения возможны лишь при наличии новых источников, которые существенно дополнили бы существующие отрывочные фрагменты.

Более рельефно выглядят контакты русских князей со скандинавскими крестоносцами, в частности Сигурдом Крестоносцем (1103–1130 гг.). Следуя тексту норвежских источников, путь Сигурда в Святую Землю проходил через русские земли (в частности Киев), поэтому вполне логично, что детали военной кампании были обсуждены в 1102 г. в Киеве при посредничестве датского короля Эрика Доброго (1095–1103), которого с официальной аудиенцией принял сам князь Святополк. Более того, в саге об Эрике Добром отмечается, что Святополк предоставил ему военное сопровождение в Константинополь, где он провел

переговоры о предоставлении крестоносцам в Святой Земле нового подкрепления из Скандинавии. Это не было банальной случайностью или стечением обстоятельств, ведь в подготовке данного крестового похода Киевский князь Святополк сыграл не последнюю роль, что подтверждают норвежские саги. В течение всего пути по территории Руси, высокопоставленных дипломатических гостей из Скандинавии тепло встречали церковными колоколами и праздничными песнопениями. Однако датский король не сумел реализовать свои намерения, поскольку в 1103 г. погиб на Кипре [109, s. 345].

Вместе с тем, свидетельство скандинавских источников позволили французскому исследователю В. Гултсдоффу сделать вполне логичное предположение, согласно которому посредническую миссию мог выполнять русский игумен Даниил, который находился на территории Константинополя и Святой Земле в течение 1106–1108 гг. [98, с. 526–527]. Гипотеза французского специалиста не противоречит хронологической последовательности событий. Согласно исследованиям М. Веневитинова [6], Даниил отправился в Палестину в 1106 г, через три года после того, как погиб Эрик, а вернулся накануне экспедиции Сигурда 1108 г. Косвенным доказательством данной гипотезы является исследование Ю. Глушакова [9], В. Данилова [22], Н. Водовозова [7], Н. Прокофьева [67] и др., в которых ученые акцентируют внимание на том, что миссия игумена Даниила выходила за рамки изучения сакральной географии Палестины и, кроме искупительных задач, носила определенные дипломатично разведывательные функции. Весомым аргументом таких предположений является текст самого «Хождение игумена Даниила», где можно найти ряд соответствующих показаний. Итак, с уверенностью можно утверждать, что переговоры Даниила (если они имели место) закончились удачно, поскольку ожидаемая военная экспедиция во главе с норвежским конунгом поступила около 1108 г. (в то время, когда Даниил уже вернулся на Русь). Сигурд Крестоносец прибыл в Акру на 60-ти кораблях с 10 тысячами воинов [34, с. 143]. В норвежских географических произведениях того времени путь в Палестину, как известно, проходил через Киев (путь из «варяг в греки»), поэтому, аналитические выводы В. Гултсдоффа о целях и задачах Даниила во время совершения путешествия-паломничества к Святым Местам выглядят более чем убедительными и заслуживают внимания исследователей. Не последнюю роль здесь сыграл и авторитет первой жены Мономаха – упоминаемой Гиды, которую знали при дворе первого короля Иерусалимского королевства Балдуина (1100–1118 гг.). Именно здесь Даниила тепло приняли, а сам император высказал русскому паломнику незаурядные почести.

Согласно свидетельствам норманнского хрониста XII в. Ордерика Вителия, возвращаясь в 1111 г. из Палестины через Киев, Сигурд попросил руки у дочери Мстислава Владимировича Мальфриды [105, с. 727]. С этим согласится трудно, поскольку обратный путь конунга не проходил по территории Руси, да и сама Мальфрида в то время находилась не в Киеве, а в Шлезвиге, в ярла Эйлифа [28].

Российский исследователь В. Пашуто на основе огромного количества аккумулированного и систематизированного материала сделал достаточно объективные выводы о том, что к концу XII вв. в древнерусской дипломатии наблюдаются устоявшиеся тенденции заключения международных союзов [58, с. 12]. Одним из таких примеров, международные связи двух княжеских группировок: волынского-смоленской и суздальско-галицкой. Если первая концентрировала свое внимание на союзах с Польшей и Венгрией, Чехией и частично с Германией (Священной Римской империей), то вторая налаживала дружеские отношения с Византийской империей [58, с. 145, 152, 167, 189].

Действительно, в 40-х гг. XII в., во время борьбы Юрия Владимировича за Киевский престол, суздальско-галицкий группировка ориентировалась на союз с Византией, в то время как Польшу, Венгрию, Германию (династия Штауфенов) поддерживало Волынское княжество в лице Изяслава Мстиславича. Эта поддержка заключалась в военной помощи волынскому князю, особенно в битве под Луцком 1149 г. Летописец фиксирует, что от руки «Единого от немчичь» [64, с. 325] чуть не погиб старший сын Юрия Андрей (Боголюбский). Немцы, однако, были основной надеждой Изяслава, призывы которого звучали, в первую очередь, к венгерским, польским и чешским правителям, с которыми князь находился в

близких родственных отношениях: «Изяславъ жєсть пришедь во Володимеръ поча ся Слати въ Оутри къ зятю своему королеве и в Ляхии къ своем Болеславу и Межце и Индрихове и к Ческому князю свату своем Владиславу просите оу нихъ помощи ...». [64, с. 383] Данный факт фиксирует также В. Татищев: «... А также послал в Польшу к свату своему Болеславу, и Андрею чешскому, и ко Владиславу Шлонскому ...» [75, с. 327], на что он получает положительный ответ: «Чешский князь рече объема а я готов есмь сам Полки Своим» [64, с. 385], за что «Изяслав же является поят посла сли ... в Чехи с дари великими и с честью» [64, с. 385]. Хорошо известно, что в 1148, возвращаясь из Второго Крестового похода, чешский король Владислав II (1140-1172 гг.) передвигается по территории России. Данный факт был зафиксирован лишь в «Анналах» Викентия Парижского: «*Predictus autem dux per Ruziam ad propria remeans ...*» [110, s. 663]; однако это упоминание не вызывает сомнений со стороны исследователей. Путь из Святой Земли через Константинополь и Киев (тот же путь с «варяг в греки») был хорошо известен не только Владиславу, но и норвежцу Сигурду.

Из летописи неизвестно, действительно ли Владислав II помогал Изяславу в его внутренней борьбе, поскольку летописец больше ничего, связанного с этим, не фиксирует. Опираясь данными фактами, М. Грушевский акцентирует внимание на том, что чешский король пообещал помощь, но на обещании все и закончилось [19, с. 162] Другого мнения придерживается К. Грот, заявляя, что Изяслав получил обещанную военную поддержку, а известный славист А. Флоровский рассматривает данный период как самый активный во взаимоотношениях между русичами и чехами [18, с. 28; 81, с. 67]. В. Пашуто как исследователь не имеет никаких сомнений, что о прочности русско-чешских отношений на самом деле – говорить не приходится, поскольку мы не имеем дополнительных источников, кроме фрагмента в более поздней «Хлебниковской летописи» где чехи упоминаются только в одном эпизоде [58, с. 184].

Как было на самом деле сказать сложно. Ведь для того, чтобы спасти свое положение, получив широкую поддержку со стороны уже упоминавшихся Венгрии, Польши и Чехии, Изяслав так и не смог удержать Киев, и был вынужден в 1149 г. осесть во Владимире.

На этом тематика не исчерпывается, поскольку существует еще ряд отдельных фактов о взаимосвязи русичей с крестоносцами Ближнего Востока. Они не связаны между собой, поэтому их изложение возможно только в виде определенного каталога свидетельств источников.

Под 1161 г в Ипатьевском летописном своде имеется интересное упоминание о бегстве младших сыновей Юрия Долгорукого в Византийскую империю в результате агрессивной политики Андрея Боголюбского: «... доста Гюргевица Царюгороду Мстислав и Василько съ матерью и Всеволода молодого пояша со собой третего брата и даст царь Василькова в дунай два горы а Мстиславу даст волость Отскалана» [64, с. 522].

Камнем преткновения между младшими Мономаховичами оказалась спор за Ростовскую землю. Эту территорию, как хорошо известно, Юрий оставил своим младшим сыновьям: Мстиславу, Василию и Михаилу. Однако старший – Андрей (Боголюбский), несмотря на волю отца, объединил эти земли в собственное «доменное» владения. Младших Юрьевичей в 1161 г. Андрей выгнал из русских земель, поэтому они были вынуждены искать счастья за рубежом. Превратившись в князей-изгоев, братья пытались искать защиты у Византийского императора Мануила I Комнина (1143-1180 гг.), покровительство которого они получили. Данный случай не был исключительным, согласно тексту летописи в Византию бежал и Михаил Юрьевич. Вот как об этом сообщает летописец: «... и Михалка князя удариша ратнии двема копьема в стегно, а третьим копцив в руку: но Бог отца эго молитва избавить эго от смерти, якоже и Подождите в Луце моря» [64, с. 526]. Эта летописная цитата иллюстрирует агрессивную политику Андрея Юрьевича против своих братьев и его претензии на гегемонию в «отчужденных» (родительских) землях. Он не оставлял никаких шансов своим кровным родственникам. О пребывании русских князей-изгоев на территории «ромейской империи» пишет византийский историк Иоанн Киннам под 1165 г.: «Владислав, один из обладателей Тавроскифского государства (русская земля – В.М.) с детьми, женой и всеми своими людьми добровольно пришел к ромеям. Ему было отдано землю у Истра, которую когда-то василевс дал «Вася, сын Георгия (βασιλῆα ... τῷ Γεωργίου λαΐδι), который занимал важное место среди филарха Тавроскифской земли» [38, с. 262].

Из этой цитаты можно сделать вывод, что Василько правил Придунайскими землями до 1165 г. находясь в тесных династических связях с византийским императором, русские князья-изгои часто получали убежище на территории самой Византии. Следует заметить, что в 1161 г. статус *persona non grata* получили не только Юрьевич, но и митрополит Новгородский Леонтий и Ростиславичи, которых Андрей Боголюбский вывел из своих земель. Понятно, что эти меры Андрея Юрьевича были необходимы для укрепления собственных внутренних позиций.

Оказавшись на территории Византийской империи, Юрьевичи получили в управление отдельные территориально-административные наделы, о чем фиксируется в единой летописном упоминании. В частности, назначение Мстислава Юрьевича (сына Юрия Долгорукого) наместником города Аскалона, которое принадлежало крестоносцам. Данное назначение стало возможным в результате активной внешнеполитической деятельности византийского императора Мануила Комнина (1143–1180 гг.) и Иерусалимского короля Балдуина (1143–1162 гг.).

Судьба Мстислава была достаточно интересной: начнем с того, что ему не удалось получить убедительных позиций в иерархической лестнице младших Мономаховичей (Юрьевичей) и закрепиться в собственной «отчине». В 1149 г. Мстислав вместе с Глебом княжил в Суздальской земле; в 1150 г. Володимирко Галицкий ставит его наместником в Пересопницы, откуда он, по настоянию отца едет в Киев. Начиная с 1155 г. по 1157 г. Мстислав княжил в Новгороде, где женился на дочери местного боярина Петра Михалковича [8, с. 653]. Об этом свидетельствуют новгородские актовые печати, найденные В.Л. Яниным. На них Св. Феодор изображен с копьем в правой руке и щитом в левой [84, с. 198]. Из этого можно сделать вывод, что после крещения имя Мстислава было Федор. В отличие от Андрея, Мстиславу не удалось отличиться во время борьбы Юрия за Киев. После смерти отца вместе с братьями он был вынужден искать убежища за пределами русских земель.

После отъезда в «волость Отскалана» упоминания о Мстислава (Федора, Theodora) Юрьевича обрываются. Мы не находим его имени в актовых источниках Иерусалимского королевства «*Regesta rehni Hierosolymitani*» [108]. Следует отметить, что данный документ сохраняет перечень всех лиц, которые были причастны к управлению не только *comitis Ascalonitani*, но и всего государства. Это, на наш взгляд, могло быть обусловлено двумя причинами: во-первых, Мстиславу не позволили отстоять предоставленные ему полномочия; во-вторых, его имя специально исключили из «*Regesta rehni Hierosolymitani*» в рамках борьбы латинян с Мануилом. Официальная регистрация имени Мстислава в актовых документах Иерусалимского королевства подтверждала бы гегемонию (превосходство) византийского императора, ведь он был не просто ставленником Мануила, но и, скорее всего его родственником.

Согласно двусторонним договоренностям между Византией и латинскими крестоносцами, король Иерусалимского королевства признавал вассальное превосходство византийского императора. Он обязывался возвращать все освобожденные им земли к владениям Византийской империи, получая от Василева помощь в борьбе против арабов. Условия данного соглашения часто нарушались как византийцами, так и латинянами, что в итоге привело к возникновению на территории Ближнего Востока в середине XII в. сложных геополитических противоречий. Очередное соперничество развернулось вокруг египетского города Аскалон, завоеванного в арабов Иерусалимским королем 19 августа 1153 г. Византийский император Мануил Комнин сохранял свои претензии на данные территории, поскольку его племянница Феодора в 1158 г. стала женой Балдуина. Для того, чтобы укрепить свои позиции на территории «*comitis Ascalonitani*» Мануил в 1161 г. отправляет в Аскалон Мстислава Юрьевича. Предлагая «Мстиславу волость «Отскалана», Мануил рассчитывал сохранить свои весомые влияния в Иерусалимском королевстве.

Еще одним доводом в пользу данной гипотезы является упоминание в той же таки Киевской летописи, где автор констатирует: «Месяц сентября 2 нь тма бы по всей земле яко же является дивитися всем члвеком Солнце так погипе а небо сторят облака огнзарними таковая знамения нэ к добру Бива в той потому нь того Месяц взять бил Иерусалим безбожными Срацины» [64, с. 655]. Известно, что Святой Город был захвачен Саладином (1169–1193 гг.) 2 октября 1187 г. Стоит принять во внимание тот факт, что именно 2 сентября

1187 г. («сентября 2 нь») упал город Аскалон, где был наместником русский князь-изгой Мстислав, после чего все его жители перебрались в Иерусалим. Это, по нашему мнению, и привело к фактологической ошибке летописца, поскольку Аскалон имел в стратегическом смысле не менее важное значение, чем сам Иерусалим.

Данные утверждения в определенной степени являются гипотетическими, ведь, кроме упоминания в Ипатьевской летописи, никаких параллельных показаний в латинских и византийских источниках нет. Итак, учитывая выявленные династические связи и внешнюю политику Мануила эти предположения не выпадают из общего контекста русско-византийских и русско-палестинских отношений, хотя, разумеется, однозначно доказать или опровергнуть их в позитивистском контексте будет невозможно без привлечения новых источников, которые четко бы обозначили данный аспект.

Во второй половине XII в. военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке очередной раз обострилась в связи с тем, что мусульманам под руководством Саладина удалось снова отвоевать Иерусалим (1 октября 1187 г.). Это привело к новой консолидации христианских государств Запада против арабских халифов Ближнего Востока. Киевская Русь не могла не реагировать на такие события, ведь, по словам летописца, «солнце так погибе а небо сторгят облака огнезарными таковая потому знамения нэ во благо бывають в то потому нь того Месяц взять бил Иерусалим безбожными Срацины ...» [64, с. 655]. Как видим, автор выражает свое разочарование по поводу потери христианами (католиками) Святого Города и осквернение неверными святым местам. Автор опасается негативных последствий (наказания Всевышнего) того, что: «преда Господь святой град Иерусалим беззаконным темь агарян», в его понимании падения «Святого Града» – это кара Божья за совершенные человечеством грехи и невыполнение воли Всевышнего. Оккупация сарацинами Святой Земли привела к потере христианами своей главной Святыни – Гроба Господня. Резонансом данных событий стало затмение солнца, чем символически на Руси обозначали самые большие трагедии: «в Галич яко и Звезды видвити серед дни солнцю померкшы» [64, с. 655].

С латинских хроник, посвященных этим событиям, хорошо известно, что организаторами очередного похода за освобождение Иерусалима выступили три западноевропейские монархии: немецкий – Фридрих I Гогенштауфен (1152–1190 гг.), английский – Ричард I Львиное Сердце (1189–1199 гг.) и французский – Филипп II Август (1180–1223 гг.). Фигура немецкого императора была довольно популярной на Руси, о чем упоминается в Ипатьевской летописи: «В то же является Лето (1189 – В.М.) иде царь немецкий (Фридрих Барбаросса – В.М.) со всею своей землею битися за Гроб господин проявите потому бяшетъ объема агтель господин веляше и те, и пришедшимъ имъ и бющимся Крепкий с богостоудными тем агарян» [64, с. 665]. Одновременно у В. Татищева говорится: «В то же лето (1190) император пошел в Палестину с большими войсками для взятия Иерусалима и Гроба Господня из рук сарацинских» [75, с. 430]. Русский летописец, что перепевает западного хрониста, который фиксирует: «И помог Бог императору Римскому Фридриху вырвать Святую Землю из рук сарацин, что глумились над христианами, и дал им отвагу неукротимой и порыв к мести» [53а, с. 49-50]. Немцы в воображении русского летописца выступают, «яко мученици святыя прольяха кровь свою за Христа со цари Своим в сих ибо Господь Бог наш знамение проявления ...» [64, с. 667]. Анализируя цитату, можно вполне объективно утверждать, что на Руси хорошо знали о событиях данного крестового похода, но странным остается отсутствие каких-либо свидетельств о «славных деяниях» Ричарда и Филиппа. Таким образом, наряду с главными двигателями крестовых походов в этих строках нашли свое отражение и военно-политические связи Юго-Западной Руси с европейскими монархами.

В отечественной и зарубежной историографии также существует ряд гипотез о близких отношениях галицкого князя Ярослава Володимирковича Осмомысла (1153–1187 гг.) с германским императором. О сближении Ярослава и Фридриха Гогенштауфена выдвигал предположения В. Абрахам, ссылаясь на Оттона Фрейзенгерского: «Ubi rex Voenorum qendam de regulis Ruthenorum suae praesentiae obtulit, eiusque illum ditionis subiecit» [106,

s. 492]. Автор отмечал, что Ярослав вместе с чешским королем взял вассальные обязательства по отношению к Фридриху Барбароссе [87, s. 90] С данным утверждением польского историка трудно согласиться, так как в источнике кроме многозначности, ничего больше не наблюдается, на что в свое время обратил внимание М. Грушевский [19, с. 442], а также такие известные украинские историки, как Н. Полонская-Василенко [66, с. 164], М. Котляр [43, с. 92] и др.

Вообще нужно отметить, что Ярослав Осмомысл вел широкую дипломатическую работу, четко направленную на укрепление внутренних позиций Галицкого княжества, а стратегическое партнерство с иностранными государствами давало князю весомые дивиденды в междоусобной борьбе внутри Киевской Руси. Подтверждением этому является упоминание в «Слове о полку Игореве»: «А ты Осмомысла Галицкие! Высоко сидишь на Своем златокованом Престоле. Ты подпер горы Венгерския Своим полками железными, ты заградил путь Королю, ты затворил Дунаю ворота, бросая тягость чрез облака и постирая власть свою в тот реки! Грозное имя твое рознеслось по всей земле; отверть тебе путь к Киевом, стреляеши сь отня злата стола Салтан за землями. Стреляй Господне, Кончака плохого кощя» [33, с. 21].

Эти строки коротко иллюстрируют масштабы экспансионистских претензий Ярослава и его успехи в борьбе с соседними восточноевропейскими государствами. В более широком контексте внешнеполитическую активность Осмомысла видел тот же В. Татищев: «Сей князь бил честен и славен во всех землях. Сам на войну нэ ходил, но войска эго посылали в помочь втором, яко венгром, поляком и русских князей с воеводами. Со всеми княз жил в любви ...», и далее: «никто не смел на него нападать, так как воеводы, непрестанно грекам, венгры и чехам помагая, Искусные в воинство и храбрый в битве были» [75, с. 143]. Приведенные свидетельства дают более широкое объяснение международной политике Ярослава, но не расходятся с записями Киевской летописи, где в панегирике Ярославу летописец лаконично, однако четко и точно, фиксирует, что «... и славень полки где так бяшень объема (Осмомыслу – В.М.) обида» [64, с. 655].

Рассматривая цитату «Слова о полку Игореве» в контексте обозначенной темы публикации, весьма важным является фрагмент, где речь идет о том, что Ярослав «стреляеши сь отня злата стола Салтан за землями» [33, с. 21]. Противоречивый характер происхождения сентенции вызвал острые дискуссии среди историков-славистов. Так, Д. Дубенский высказал предположение, что «Салтан за землями» – это мусульмане (арабы), а «стреляеши сь отня злата стола» – участие Осмомысла в походе 1189-1190 гг. [29, с. 158-160]. Существительное «Салтане», бесспорно, имеет арабские корни [3, с. 156-157], совпадая с титулом «sultan» через промежуточную форму «soltanъ». Но это не дает никаких оснований привлекать Осмомысла к участникам Третьего крестового похода. На наш взгляд, важно учитывать тот факт, что Ярослав умер 1 октября 1187 г., ведь летописец констатирует: «Того же является Лета преставися Галичкий князь Ярослав» [64, с. 656]. То есть, его смерть наступила до начала военной кампании 1189 г., из этого следует что он не мог сопровождать Фридриха. Князь вообще физически не имел возможности к ведению войны: с фундаментальных медико-антропологических исследований ископаемых XII в. из Успенского Собора Галича-Крилоса, сделанных С. Горбенко, можно узнать, что князь: «страдал болезнью Пертеса (тяжелое заболевание суставов – В.М.), которая с возрастом осложнилась деформирующим остеоартрозом правого коленного сустава, лордозом и сколиозом ...» [13, с. 94], тяжело болен, Галицкий князь «сам нэ ходяшетъ полки Своим» [64, с. 655].

Несмотря на господствующий в исторической научной литературе скепсис, следует отметить: галицкие воины могли отличиться в составе немецкой армии во время похода 1189–1190 гг. Ведь хорошо известно, что галицкий князь Владимир сын Ярослава после смерти отца 1187 г. признал вассальную зависимость от Фридриха. В частности, он обязывался платить последнем ежегодно по 2000 гривен серебром [64, с. 696; 75, с. 429]. Такой союз был необходим молодому князю в борьбе за отцовский стол в Галиче против венгерского ставленника Андрея (Эндре, Андраш, II, 1205–1235) и Волынского князя Романа Мстиславича (1170–1205) [64, с. 696]. Как отмечается в Ипатьевской летописи, «... царь жесь оуведавъ оже есть сестричич великому князю Всеволод Соуждальскому и Прия эго с

любовь и с великою честью» [64, с. 666.]. Если предположить, что имя Всеволода Суздальского (1154–1212 гг.) действительно имело такой вес в Германии, то даже это не побудило Фридриха I к борьбе за Волынское наследство. Военную помощь Владимиру он поручил передать своему вассалу, польскому королю Казимиру Справедливому: «Казимир жещь приставать к Немой моужь свои Миклая и посла эго в Галич. Галичкыйи моужи стретоша эго с радостью великою ...» [64, с. 666.]. Став вассалом Гогенштауфена, Владимиру удалось вернуть себе родительский стол. В данном контексте «Великопольская хроника» подтверждает: «Ведь тот самый Николай назначенный его светлостью первым сановником при дворе, совместно с могущественными силами паннонцев храбро одерживает победу над сыном короля венгров и изгоняет его, изгнанника же Владимира восстанавливает в Галицком королевстве» [5, с. 124]. Вернувшись в свои владения, Владимир получил возможность отправить часть своей дружины на помощь германскому императору. Данную точку зрения разделяют также известные украинские историки М. Котляр и А. Масан предполагая, что будучи вассалом императора, Владимир мог вместе с галицкой женой участвовать в Третьем крестовом походе. Что отобразилось в народном фольклорном источнике древней буковинской песне, где идет речь о:

«Гей мала вдова одного сина,
Та дала его до Єрусалиму.
Чикає його рочок ци иде синочок;
Чикає и другий, чи іде син любий
На третій рочок іде синочок,
А з ним укупці йде невісточка».

Согласно этим строкам, сына не было дома три года. Как известно, только Первый (1096–1099 гг.) и Третий (1189–1192 гг.) Крестовые походы продолжались более трех лет. Ряд исследователей (в частности А. Федорук) считают, что в балладе не может идти речь о Первом крестовом походе, ведь его организовали французы, к которым русичи не имели в те времена никакого отношения [80, с. 46]. Резюмируя изложенный материал, нужно заметить следующее: связи русичей с участниками Первого крестового похода все же прослеживаются, тем не менее, в буковинской песни, скорее всего, воспевается Третий крестовый поход, ведь судя по тексту, сын привел с собой женщину, скорее всего мусульманку. Что распространяется в христианской западноевропейской практике лишь к концу XII в., подтверждая нашу гипотезу об участии русичей в военной кампании организованной Фридрихом.

Таким образом, Ярослав в данном случае не имеет отношения к Третьему крестовому походе, а проблема происхождения сентенции «Салтан за землями» остается открытой.

Осуществляя текстологический анализ «Слова о полку Игореве», Д. Лихачев [48, с. 443-444], Н. Мещерский [53, с. 471], Л. Гумилев [21, с. 254] А. Майоров [50, с. 233-234] пришли к единодушному выводу, что под «Салтан за землями», следует понимать половцев, а не арабов, как это доказывал Д. Дубенский. Скажем, изучая социальные группы в половцев, С. Плетнева, опираясь на «Codex Cumanicus», сделала вывод: «Солтани» – это титул, которым пользовались руководители отдельных орд. В данном контексте, интересно вспомнить случаи, когда половецких «Солтан» русские летописцы отождествляли с «лешими князями» [61, с. 131-132]. Однако в таком случае, непонятным становится контекст цитаты, в которой автор упрекает Галицкого князя в пассивности во время борьбы с половцами, ведь, осуществляя экспансионистские меры, князь забывает об обороне территорий Киевской Руси. Одновременно в «Слове о полку Игореве» звучат призывы вроде «стреляй Господне, Кончака плохого кощя». Поэтому, если «Салтан за землями» – половцы, то какую же тогда цель ставил перед собой автор повести? Кроме того, применяемая форма «Салтан» как общественный или военное положение в тюркских племенах не имеет никаких прецедентов использования в древнерусских письменных источниках XII в. Подобная упоминание содержится и в вышеупомянутых половецком словаре «Codex Cumanicus», однако оно ближе к XIV в.

Оригинальное видение по этому поводу имеет английский историк Э. Кинан. «Салтане», по его мнению, – это ошибка переписчика (возможно графа Мусина-Пушкина), который при копировании текста вместо окончания «оу» или «в» принял «я». В свете сказанного, «Салтан» – это не существительное, удостоверяющий военно-социальное положение, а прилагательное «s altany» [38, с. 270-271]. Приводя аналогии со старочешским и староитальянскими (тосканским) языками, автор трактует «s altany» как высокий удаленный золотой трон Осмомысла, что резонирует с содержанием повести. Данная точка зрения не может быть принята, поскольку это приводит к полному пересмотру датировки и подлинности «Слова о полку Игореве» как русского письменного источника XII в.

Несколько логичней была бы попытка сопоставить «Салтан за землями» с турками-сельджуками. Поводом для этого стало предположение об участии войск Ярослава в битве под Мириокифалом 17 августа 1176 г. Как уже отмечалось, Осмомисл проводил активную внешнюю политику, поэтому мог оказывать военную помощь византийскому императору Мануилу Комнину, с которым князь был в хороших отношениях. Последний – потерпел сокрушительное поражение от Конийского (Румского) султана Килич-Арслана II (1156–1192). Данная гипотеза хотя и не имеет конкретных подтверждений в источниках, однако органично вписывается в содержание цитаты. То есть, если «Салтан за землями» – турки, то вполне понятными становятся слова летописца: «... стреляеши съ отня злата стола Салтан за землями. Стреляй Господне, Кончака плохого кощея». Автор «Слова о полку Игореве» не только возносит успехи князя, но и пытается корректно намекнуть ему на разгром 1077 г. и обратить внимание Осмомысла на половецкую угрозу со стороны «Кончака поганого кощея». Вместе с тем, звучит и призыв к борьбе против собственного врага – половцев.

Таким образом, резюмируя приведенный текстуальный материал можно отстаивать мнение, что отождествление словосочетание «Салтан за землями» с половцами неуместно, поскольку его содержание не вписывается во временные и смысловые рамки «Слова о полку Игореве» как письменного источника XII в. Наиболее вероятным, по нашему мнению, является уже упоминавшееся предположение московского исследователя А. Назаренко – оно более логично связано с общим контекстом цитаты и соответствует географии внешнеполитической деятельности Ярослава.

Обобщая изложенный материал, целесообразно подчеркнуть, что калейдоскоп взаимосвязей удельных русских князей с крестоносцами формировался, с одной стороны, на идеях общехристианской солидарности в борьбе против неверных, с другой – на поисках внешних активов во внутренней борьбе за власть. Отсутствие общего вектора в международной политике и нестабильность государственного строя помешали русичам принять более активное участие в крестоносном движении на Ближний Восток. В данном случае речь не идет о религиозной нетерпимости, в связи с тем, что хорошо известно из русских летописей позитивное восприятие идеи Освобождение Гроба Господня и сочувствие его организаторам. Несмотря на это, можно утверждать: данные отношения представляют немалый органический слой в практике древнерусской дипломатии XII – начале XIII в.

События Четвертого Крестового похода (1202–1204 гг.), Который закончился падением Константинополя имели решающее значение для развития средневековой цивилизации, поскольку впервые идея «крестового» движения на Ближний Восток за освобождение Гроба Господня была абсолютно нивелирована. Латинские крестоносцы (католики) уничтожили и ограбили столицу Византийской империи, убивали население Константинополя, уничтожали христианские святыни. Эти события вызвали большой резонанс в Киевской Руси, о чем свидетельствуют убедительные выводы Н. Карамзина [36], Ф. Успенского [79], С. Лучицкой, Д. Лихачева [48]. П. Бицилли, Мещерского [53] и др. По этому поводу, Д. Лихачев отмечал, что когда в 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь, это событие глубоко потрясла Русь. Подтверждением данных мыслей нужно отметить, что события Четвертого Крестового похода наиболее подробно описаны в древнерусских письменных источниках XIII в. в частности в «Повести о взятии Царьграда фрягами». Тем не менее, на сегодня остаются неисследованы отдельные проблемные моменты. В данном случае речь идет о дискуссии вокруг побега византийского императора Алексея Ангела к

галицко-волыньскому (в отдельных работах галицко-владимирскому) князю Роману Мстиславичу после захвата крестоносцами Константинополя.

В историографии существует несколько противоположных точек зрения на вышеупомянутое событие. Таким образом, предметом нашего дальнейшего рассмотрения будут маршруты-перемещения Алексея III после его побега из Константинополя согласно греческим и латинским источникам. По своему характеру, ключевая информация о беглеце достаточно фрагментарна, ведь его судьба мало интересовала хронистов. В частности, Никита Хониат сообщает о том, что во время первого штурма Константинополя (июнь – июль 1203 г.) император бежит в город Дельвет (Фракия) [83, с. 223], отсюда в надежде вернуть себе престол он захватил г. Адрианополь, откуда его вытеснил племянник [83, с. 233]. Далее автор, отслеживает пребывания Алексея в Лариссе (Фессалия), где экс-император объединился со своим зятем Львом Згуря, который имел небольшие владения в Палестине [83, с. 290]. Учитывая успешное наступление Бонифация Монферратского, Алексей III попытался скрыться в Темпейской долине [83, с. 292], однако ему это не удалось. Беглец попал в плен и был сослан Бонифацием в маленький городок Альмир [83, с. 294], название которого свидетельствовало о нелегкой судьбе императора (Альмир – горький соленый). В дальнейшем Никита Хониат описывает позорную расправу над Алексеем, которого Бонифаций высылает к королю алеманов [83, с. 302], хронист выражает свое возмущение по поводу такого поступка [83, с. 312].

Другой византийский историк Георгий Акрополита (1217-1282 гг.) Предлагает собственную версию мытарств Алексея III, после побега из Константинополя он останавливается в г. Филлиполь, который находился на территории Македонии, поскольку жители этого города его прогнали, он вынужден был ехать в г. Мосинополя, где по словам хрониста, беглец сумел ненадолго утвердиться. Впоследствии император отправляется в г. Солунь (Фессалоники), откуда был изгнан Бонифацием. Сначала Алексей намеревался отправиться в Коринф, однако опасаясь нападения со стороны латинян решил податься в Эпир, к своему двоюродному брату Михаила. По дороге, за словами Акрополе, на него напали лангобарды, однако император сумел откупиться. Алексей недолго находился у Михаила, впоследствии он отправился к своему союзнику Иконийскому султану Ятатине на стороне которого весной 1211 г. он участвовал в битве при Антиохии на р. Меандре (Малая Азия) против Федора Ласкари.

После поражения, Феодор схватил Алексея и взял с собой в Никею сняв с него все царские знаки и посадил в монастырь Иакинфа, где тот и умер. Дополнением к этим свидетельствам есть упоминания другого византийского историка этого периода Никифора Григора. По его словам, после побега из Константинополе Алексей III бродил по территории Фракии до тех пор пока не попал в плен к маркграфу Монфераньскому. После поражения при Меандре Алексея схватил, по словам Никифора, его зять Феодор и «постригши в монахи» отправил в Никею [17, с. 40].

Таким образом, следует подчеркнуть, что византийские историки предоставляют достаточно подробную информацию о передвижении изгнанника по территории Византии, однако достаточно фрагментарно и расплывчато фиксируют его пребывания в плену у маркграфа Монферратского. О пребывании экс-императора в латинян описывают латинские историки, в частности Жоффруа де Виллардуэн. Автор сообщает, что во время первого штурма города 1203 г. Алексей забрал свои драгоценности и деньги бежал из Константинополя, далее автор говорит о перебивании Алексея в Мессинополи. Здесь экс-император долго не задержался. Далее Жоффруа де Виллардуэн вспоминает о Алексие, когда его захватил в плен Бонифаций Монферратский и заключил в своих владениях замка Монферрат. О пребывании Алексея в плену у графа Монферратского вспоминают и латинские источники «Генуэзские анналы» и Салимбене. В обоих источниках под 1205 г. годом есть информация о том, что пленного Алексея III Ангела был заключен в доменные владения графа Монферратского [88, s. 123; 93, s. 25].

Анализируя вышеприведенный материал можно резюмировать: во время первого штурма Константинополя 1203 г. Алексей III покидает город. В течение 1203–1205 гг. он скрывается в различных местах Византийской империи, впоследствии, с 1205 г. он находился в плену у Бонифация графа Монферратского. Примерно в 1210 г., экс-император

бежит к своему союзнику, султану Гипс-эд-дин-Кей-Хюсреваог на стороне которого участвует в битве на р. Меандр в 1211 г. После поражения Алексей III был заключенный и пострижен в монахи.

Учитывая изложенный материал, нужно констатировать тот факт, что Алексей III Ангел ни в коем случае не мог находиться в Романа Мстиславича, ведь об этом нет никаких упоминаний в показаниях современников тех событий. В данном случае уместно вспомнить то, что даже достаточно компетентный автор «Повести о взятии Царьграда фрягами» ни разу об этом не обмолвился. Таким образом, проблема происхождения данной гипотезы остается актуальной.

Заключение

Подводя итог, следует отметить тот факт, что военно-политические связи русских князей с крестоносцами носили преимущественно симптоматический характер. Однако, такая тенденция не исключает возможности самых связей, а лишь свидетельствует в их пользу.

Примечания:

1. Айналов Д.В. Некоторые данные руських летописей о Палестине // Сообщения ППО. 1906. Т. 17. С. 312-372.
2. Александров Д.Н. Феодальная раздробленность Руси. М.: Экслибри-Прес, 2001. 480 с.
3. Баскаков Н.А. Тюрская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 236 с.
4. Васильев А.А. Византия и крестоносцы. СПб.: АCADEMIA, 1923. 120 с.
5. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. М., 1987. 260 с.
6. Веневитинов М.А. Заметки к истории «Хождения» игумена Даниила // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Январь. С. 11-67.
7. Водовозов Н.В. «Хождение» Даниила и Первый Крестовый поход // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. М., 1962. С. 16-35.
8. Войтович Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. 816 с.
9. Глушакова Ю.П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-ти летию М.Н. Тихомирова. М.. 1963. С. 70-92.
10. Головки О.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. К.: Наукова Думка, 1988. 135 с.
11. Головки О.Б. Князь Роман Мстиславич та його доба: Нариси з історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII ст. К.: Стило, 2001. 249 с.
12. Головки О.Б. Корона Данила Галицького: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи розвинутого та класичного середньовіччя. К.: ВД Стило, 2006. 575 с.
13. Горбенко С.О. Ярослав Осмомисл – реконструкція антропологічна та історична. Львів-Винники, 1996. 269 с.
14. Грабовецький В. Ілюстрована історія Прикарпаття. З найдавніших часів до першої половини XVII ст. Т. I. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2002. 426 с.
15. Грабовецький В.В. Столиця Ростиславичів і Романовичів у міжнародних відносинах XII-XIII століть (до 1100-річчя заснування Галича) // Вісник Прикарпатського університету. Серія історичні науки. 1998., Вип. 1. С. 3-13.
16. Грабовецький В. Галич – столиця Ростиславовичів і Романовичів у міжнародних взаєминах XII-XIII ст. // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць. Київ-Галич, 1998. С. 41-46.
17. Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204-1341 гг.). Рязань: Александрия, 2004. 446 с.
18. Грот К. Из истории Угрии и славянства в XII веке. (1141-1173 pp.). Варшава, 1889. 345 с.
19. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 2. К.: Наукова думка, 1992. 633 с.
20. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 3. К.: Наукова думка, 1993. 586 с.

21. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992. 581 с.
22. Данилов В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // ТОДРЛ, 1954. Т. X. С. 92-105.
23. Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. К., 1873. 156 с.
24. Джаксон Т.Н. Брачные связи в средневековой Скандинавии (датские правители XI – середины XII века по «Саге о Кнютлингах») // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2002 год. Генеология как форма исторической памяти. М.: Восточная литература, 2004. 95-102.
25. Джаксон Т.Н. Елизавета Ярославна, королева норвежская // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 63-72.
26. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Скандинавский сборник. 1982. № 27. С. 34-61.
27. Джаксон Т.Н. На Восток в Хольмград: Балтийско-волховский отрезок пути из варяг в греки // Родина. 2002. № 11-12.
28. Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков. Режим доступа: http://www.geocities.com/hennadiy_udovenko/news/20040223.html.
29. Дубенский Д. Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца старого времени // РД. М., 1844. Ч. III. С. 121-148.
30. Егерс Е.В. Крестовые походы и государства крестоносцев // Солдат: военно-исторический альманах. 1999. С. 1-132.
31. Эпоха крестовых походов / под ред. Э. Левисса и А. Рамбо. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. 1086 с.
32. Заборов М.А. Известия русских современников о крестовых походах // Византийский Временник. 1971. Т. 31. С. 72-91.
33. Историческая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писаная старинным русским языком в исходе XII столетия. М., 1800. 54 с.
34. История Норвегии. М.: Наука, 1980. 512 с.
35. Каждан Н.М. Освобождение Болгарии из-под византийского ига // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 124-134.
36. Кармазин Н. История государства Российского. В 3-х кн. Кн. 1. Спб.: Кристал, 2003. 704 с.
37. Киннам И. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180 гг.). Рязань: Александрия, 2003. С. 9-237.
38. Кінан Е. Російські історичні міфи. К.: Критика, 2001. 451 с.
39. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских стезей. СПб.: Алтея, 2003. 181 с.
40. Комнина А. Алексиада. М.: Наука, 1965. 687 с.
41. Коструба Т. Вибрані твори. В 2-х тт. Торонто, 1956. Т. II. 304 с.
42. Котляр М.Ф. Історія дипломатії Південно-Західної Русі. К., 2002. 361 с.
43. Котляр М.Ф. Південно-Західна Русь в європейській політиці XII-XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 3. К.: Інститут Історії України НАНУ, 2003. С. 23-98.
44. Котляр М. До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // Український історичний журнал 1966. С. 112-117.
45. Кульчицький В., Тищик Б., Бойко І. Галицько-Волинська держава (1199-1349 рр.). Львів, 2005. 316 с.
46. Кучкин В.А. Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Розсип в средние века и новое время: Сборник статей к 7-летию чл.-кор РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 12-43.
47. Лихачев Д.С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // ТОДЛ, 1950. С.18-34.
48. Лихачев Д.С. Комментарий // Слово о полку Игореве / Под. ред. В.П. Адриановой-Перец. М.-Л., 1950. 432 с.
49. Літопис Руський / Пер. З давньоруського. Л.С. Махновця. К.: 1989. 591 с.

50. Майоров О.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
51. Масан О. Участь українців у хрестови похода у Південно-Східну прибалтику та на Близький Схід у XII-XIII ст. // Міжнародний науковий конгрес «Українська історична наука на порозі XXI ст.» Чернівці, 2001. Т. 1. С. 27-41.
52. Менгерс К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. 360 с.
53. Мещерский Н.А., Бурыкин А.А. Комментарий // Слово о полку Игореве / Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, О.В. Творогов. Л., 1985. 512 с.
54. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. 636 с.
55. Назаренко А.В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 181-194.
56. Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 65-78.
57. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: АН СССР, 1950. 640 с.
58. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. 645 с.
59. Пашуто В.Т. Русско-скандинавские отношения и их место в истории раннесредневековой Европы // Скандинавский сборник. 1970. Т. 15. С. 51-61.
60. Платонов А.И. Древнерусские паломники из среды духовенства и мирян // Сообщения ППО. 1906. Т. 17. Вып. 4. С. 304-359.
61. Плетнева А.С. Половцы. М., 1990. 205 с.
62. Полное собрание русских летописей Т. 6., Вып. 1. (Софийская летопись старшего извода). М.: Языки русской культуры. 2000. 581 с.
63. Полное собрание русских летописей. Т.1. (Лаврентьевская летопись). М.-Л., 1962. 325 с.
64. Полное собрание русских летописей. Т.2. (Ипатьевская летопись). М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
65. Полное собрание русских летописей. Т.1. Прибавление к Ипатьевской летописи. СПб., 1846. С. 230-373.
66. Полонська-Василенко Н. Історія України. Т. 1. К.: Либіть, 1995. 672 с.
67. Прокофьев Н.И. «Хождение» как жанр в древнерусской литературе // Учение записки МГПИ им. В.И. Ленина М, 1968. № 288. С. 3-18.
68. Рам Б.Я. Папство и Русь в X-XV вв. М., 1959. 412 с.
69. Рыбаков Б.А. Древняя Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. 412 с.
70. Рыбаков Б.А. Политические идеи русских летописцев XII в. (Тезисы) // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII-XIV вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1974. С. 18-22.
71. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство. СПб.: Евразия, 2002. 447 с.
72. Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России XV-XVII век. М., 1989. 415 с.
73. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.-Л.: Наука. Т. 1., 1965. 567 с.
74. Соловьев С. М. История Отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М.: Астрель, 2003. 445 с.
75. Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2005. 735 с.
76. Толочко О.П., Толочко П.П.. Київська Русь. К.: Альтернативи, 1998. 352 с.
77. Толочко П.П. Київська Русь. К.: Абрис, 1996. 351 с.
78. Успенский Ф. Единого деда внуки: варяжские связи Рюриковичей // Родина. 2002 № 11-12. С. 143-147.
79. Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 4. М.: Астрель; АСТ, 2005. 496 с.
80. Федорук А. Участь населення Буковини в хрестових походах на Близький Схід наприкінці XII – початку XIII ст. //Буковинський історико-етнографічний вісник. Чернівці: Золоті литаври, 2002. Вип. 4. С. 44-48.
81. Флоровский А. Чехи и Восточные славяне X-XVII веках // Вопросы истории. 1947. № 8. С. 67-73.

82. Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII вв.). СПб.: Алтея, 2004. 215 с.
83. Хониат Н. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т. 2. (1186–1206 pp.). Рязань: Александрия, 2003. 455 с.
84. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 2. М.: Наука, 1970. 324 с.
85. A history of the Crusades. Philadelphia University of Pensilvania press, 1955. 694 s.
86. Abicht R. Lied von Heerschaar Igorj's. Leipzig, 1985. 67 p.
87. Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Т. 1. Lwów, 1904. 418 s.
88. Annales Jenuenses // MGH SS. T. XVIII, 1863. S. 96-212.
89. Asbridge T. Pierwsza krucjata. Poznań: Dom wydawniczy rebis. 386 s.
90. Balzer O. Geneologia Piastów. Kraków, 2005. 1020 s.
91. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma. 1927. № 35. S. 74-95.
92. Brook Z.N. A history of Europe: from 911 to 1198. London, 1983. 543 p.
93. Cronika fratris Salimbene de Adam // MGH SS. XXXII, 1922. S. 1-128.
94. Dlugossii Joannes. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae in 10 libros. Warszawa: PWN, 1973. Lib. 5-6. 432 p.
95. Ex historia regum Danorum dicta Knytlingasaga MGH SS. XXIX. S. 271-322.
96. Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Śwetej. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 178 s.
97. Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. R. XCIII. № 3. S. 639-661.
98. Gultzdolff V. Киевская Русь между Скандинавией, Константинополем и латинским Иерусалимским королевством в начале в. // Международный съезд славистов: Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983. С. 526-527.
99. Kashdan A. Rus' – Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. S. 414-429.
100. Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. Т. I. 699 s.
101. Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego. Sanok, 1857. Т. I. 716 s.
102. Kugler B. Studien zur Geschichte des Zweiten Kreuzzuges. – Stuttgart, 1866. 223 s.
103. Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. T. V. Paris: Imprimerie Nationale, 1895. 621-649 s.
104. Lozinskij G. La Russie dans la literature francaise du Mouen Age // RESI. Paris, 1929. T. IX. P. 241-296.
105. Orderici Vitalis Angligene coenobii uticensis monachi Historie Ecclesiastice // Patrologiae cursus completes. Series Latina. T. 188, Paris, 1890. Col. 1-986.
106. Ottone Frisingensi Gesta Friderici I Imperatoris // MGH SS. T. XX. S. 337-496.
107. Harris J. Bizancjum i wyprawy krzyżowe. Warszawa, 2003. 272 s.
108. Regesta rehni Hierosolymitani (MXCVII-MCCXCI). Oeniponti, 1893. 521 s.
109. Saxonis Gesta Danorum / Olrik J., Reader H. Haunia, 1931. Т. I. 520 s.
110. Vincentii Pragensis Annales // MGH SS. T. XVII. S. 654-576.
111. Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków: Nakładem Akademii Umijetnosci, 1887. 406 s.
112. Serczyk W. Historia Ukrainy. Wroslaw-Warszawa-Kraków, 2001. 427 s.

References:

1. Aynalov D.V. Nekotorye dannye rus'kikh letopiey o Palestine // Soobshcheniya PPO. 1906. T. 17. S. 312-372.
2. Aleksandrov D.N. Feodal'naya razdroblenost' Rusi. M.: Ekslibri-Pres, 2001. 480 s.
3. Baskakov N.A. Tyurskaya leksika v «Slove o polku Igoreve». M., 1985. 236 s.
4. Vasil'ev A.A. Vizantiya i krestonostsy. SPb.: ACADEMIA, 1923. 120 s.
5. Velikaya khronika o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI-XIII vv. M., 1987. 260 s.
6. Venevitinov M.A. Zametki k istorii «Khozhdeniya» igumena Daniila // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1887. Yanvar'. S. 11-67.
7. Vodovozov N.V. «Khozhdenie» Daniila i Pervyy Krestovyy pokhod // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V.I. Lenina. M., 1962. S. 16-35.

8. Voytovych L. Knyazivs'ki dynastiyi Skhidnoyi Yevropy (kinets' IX – pochatok XVI st.): sklad, suspil'na i politychna rol'. L'viv, 2000. 816 s.
9. Glushakova Yu.P. O puteshestvii igumena Daniila v Palestinu // Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossi i slavyanskikh stran. Sbornik statey k 70-ti letiyu M.N. Tikhomirova. M., 1963. S. 70-92.
10. Golovko O.B. Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X – pervoy tretyi XIII vv. K.: Naukova Dumka, 1988. 135 s.
11. Holovko O.B. Knyaz' Roman Mstyslavych ta yoho doba: Narysy z istoriyi politychnoho zhyttya Pivdennoyi Rusi XII – pochatku XIII st. K.: Stylos, 2001. 249 s.
12. Holovko O.B. Korona Danyla Halyts'koho: Volyn' i Halychyna v derzhavno-politychnoho rozvytku Tsentral'no-Skhidnoyi Yevropy rozvynutoho ta klasychnoho seredn'ovichchya. K.: VD Stylos, 2006. 575 s.
13. Horbenko S.O. Yaroslav Osmomysl – rekonstruktsiya antropohichna ta istorychna. L'viv-Vynnyky, 1996. 269 s.
14. Hrabovets'kyi V. Ilyustrovana istoriya Prykarpattya. Z naydavnishykh chasiv do pershoyi polovyny XVII st. T. I. Ivano-Frankivs'k: Nova Zorya, 2002. 426 s.
15. Hrabovets'kyi V.V. Stolytsya Rostyslavychiv i Romanovychiv u mizhnarodnykh vidnosynakh XII-XIII stolit' (do 1100-richchya zasnuvannya Halycha) // Visnyk Prykarpats'koho universytetu. Seriya istorychni nauky. 1998., Vyp.1. S. 3-13.
16. Hrabovets'kyi V. Halych – stolytsya Rostyslavovychiv i Romanovychiv u mizhnarodnykh vzayemnykh XII-XIII st. // Halych i Halyts'ka zemlya. Zbirnyk naukovykh prats'. Kyiv-Halych, 1998. S. 41-46.
17. Grigora Nikifor. Rimskaya istoriya, nachinayushchayasya so vzyatiya Konstantinopolya latinyanami. T. 1 (1204-1341 gg.). Ryazan': Aleksandriya, 2004. 446 s.
18. Grot K. Iz istorii Ugrii i slavyanstva v KhII veke. (1141-1173 rr.). Varshava, 1889. 345 s.
19. Hrushevs'kyi M.S. Istoriya Ukrayiny-Rusy. T. 2. K.: Naukova dumka, 1992. 633 s.
20. Hrushevs'kyi M.S. Istoriya Ukrayiny-Rusy. T. 3. K.: Naukova dumka, 1993. 586 s.
21. Gumilev L.N. V poiskakh vymyshlennogo tsarstva. M., 1992. 581 s.
22. Danilov V.V. K kharakteristike «Khozhdeniya» igumena Daniila // TODRL, 1954. T. Kh. S. 92-105.
23. Dashkevich N. Knyazhenie Daniila Galitskago po russkim i inostrannym izvestiyam. K., 1873. 156 s.
24. Dzhakson T.N. Brachnye svyazi v srednevekovoy Skandinavii (datskie praviteli XI – serediny XII veka po «Sage o Knyutlingakh») // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: Materivly i issledovaniya. 2002 god. Geneologiya kak forma istoricheskoy pamyati. M.: Vostochnaya literatura, 2004. 95-102.
25. Dzhakson T.N. Elizaveta Yaroslavna, koroleva norvezhskaya // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive: K 80-letiyu V.T. Pashuto. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. S. 63-72.
26. Dzhakson T.N. Islandskie korolevskie sagi o russko-skandinavskikh matrimonial'nikh svyazyakh // Skandinavskiy sbornik. 1982. № 27. S.34-61.
27. Dzhakson T.N. Na Vostok v Khol'mgrad: Baltiysko-volkhovskiy otrezok puti iz varyag v greki // Rodina. 2002. № 11-12.
28. Dzhakson T.N. O skandinavskikh brakakh Yaroslava Mudrogo i ego potomkov. Rezhim dostupa: http://www.geocities.com/hennadiy_udovenko/news/20040223.html.
29. Dubenskiy D. Slovo o pl"ku Igoreve Svyat"slavlya pestvortsya starogo vremeni // RD. M., 1844. Ch. III. S. 121-148.
30. Egers E.V. Krestovyye pokhody i gosudarstva krestonostsev // Soldat: voenno-istoricheskiiy al'manakh. 1999. S. 1-132.
31. Epokha krestovykh pokhodov / pod red. E. Levissa i A. Rambo. M.: AST; SPB.: Poligon, 2005. 1086 s.
32. Zaborov M.A. Izvestiya rus'kikh sovremennikov o krestovykh pokhodakh // Vizantiyskiy Vremennik. 1971. T. 31. S. 72-91.
33. Istoricheskaya pesn' o pokhode na polovtsev udel'nogo knyazya Novgoroda-Severskogo Igorya Svyatlaslavicha, pisanaya starinnyim russkim yazykom v iskhode XII stoletiya. M., 1800. 54 s.
34. Istoriya Norvegii. M.: Nauka, 1980. 512 s.

35. Kazhdan N.M. Osvobozhdenie Bolgarii iz-pod vizantiyskogo iga // Voprosy istorii. 1973. № 11. S. 124-134.
36. Karmazin N. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V 3-kh kn. Kn. 1. Spb.: Kristal, 2003. 704 s.
37. Kinnam I. Kratkoe obozrenie tsarstvovaniya Ioanna i Manuila Komninov (1118–1180 gg.). Ryazan': Aleksandriya, 2003. S. 9-237.
38. Kinan E. Rosiys'ki istorychni mify. K.: Krytyka, 2001. 451 s.
39. Knyaz'kiy I.O. Vizantiya i kochevniki yuzhnorusskikh stezey. SPB.: Alteya, 2003. 181 s.
40. Komnina A. Aleksyada. M.: Nauka, 1965. 687 s.
41. Kostruba T. Vybrani tvory. V 2-kh tt. Toronto, 1956. T. II. 304 s.
42. Kotlyar M.F. Istoriya dyplomatiyi Pivdenno-Zakhidnoyi Rusi. K., 2002. 361 s.
43. Kotlyar M.F. Pivdenno-Zakhidna Rus' v yevropeys'kiy politytsi XII-XIII st. // Ukrayina v Tsentral'no-Skhidniy Yevropi. Vyp. 3. K.: Instytut Istoriyi Ukrayiny NANU, 2003. S. 23-98.
44. Kotlyar M. Do pytannya pro vtechu vizantiys'koho imperatora v Halych u 1204 r. // Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal 1966. S. 112-117.
45. Kul'chyts'kyy V., Tyshchuk B., Boyko I. Halyts'ko-Volyns'ka derzhava (1199-1349 rr.). L'viv, 2005. 316 s.
46. Kuchkin V.A. Chudo Sv. Panteleymona i semeynye dela Vladimira Monomakha // Rozsip v srednie veka i novoe vremya: Sbornik statey k 7-letiyuchl.-kor RAN L.V. Milova. M. 1999. S. 12-43.
47. Likhachev D.S. Istoricheskiy i politicheskiy krugozor avtora «Slova o polku Igoreve» // TODL, 1950. S.18-34.
48. Likhachev D.S. Kommentariy // Slovo o polku Igoreve / Pod. red. V.P. Adrianovoy-Perets. M.-L., 1950. 432 s.
49. Litopys Rus'kyy / Per. Z davn'orus'koho. L.S. Makhnovtsya. K.: 1989. 591 s.
50. Mayorov O.V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 640 s.
51. Masan O. Uchast' ukrayintsiv u khrestovy pokhoda u Pivdenno-Skhidnu prybaltyku ta na Blyz'kyy Skhid u XII-XIII st. // Mizhnarodnyy naukovyy konhres «Ukrayins'ka istorychna nauka na porozi XXI st.» Chernivtsi, 2001. T. 1. S. 27-41.
52. Mengers K.G. Vostochnye elementy v «Slove o polku Igoreve». L., 1979. 360 s.
53. Meshcherskiy N.A., Burykin A.A. Kommentariy // Slovo o polku Igoreve / Sost. L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov. L., 1985. 512 s.
54. Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. M., 2001. 636 s.
55. Nazarenko A.V. O dinasticheskikh svyazyakh synovey Yaroslava Mudrogo // Otechestvennaya istoriya. 1994. № 4-5. S. 181-194.
56. Nazarenko A.V. Neizvestnyy epizod iz zhizni Mstislava Velikogo // Otechestvennaya istoriya. 1993. № 2. S. 65-78.
57. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.-L.: AN SSSR, 1950. 640 s.
58. Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi. M., 1968. 645 s.
59. Pashuto V.T. Russko-skandinavskie otnosheniya i ikh mesto v istorii rannesrednevekovoy Evropy // Skandinavskiy sbornik. 1970. T. 15. S. 51-61.
60. Platonov A.I. Drevnerusskie palomniki iz sredey dukhovenstva i miryan // Soobshcheniya PPO. 1906. T. 17. Vyp. 4. S. 304-359.
61. Pletneva A.S. Polovtsy. M., 1990. 205 s.
62. Polnoe sobranie russkikh letopisey T. 6., Vyp. 1. (Sofiyskaya letopis' starshego izvoda). M.: Yazyki russkoy kul'tury. 2000. 581 s.
63. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.1. (Lavrent'evskaya letopis'). M.-L., 1962. 325 s.
64. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.2. (Ipat'evskaya letopis'). M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 648 s.
65. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T.1. Pribavlenie k Ipat'evskoy letopisi. SPb, 1846. S. 230-373.
66. Polons'ka-Vasylenko N. Istoriya Ukrayiny. T. 1. K.: Lybit', 1995. 672 s.

67. Prokof'ev N.I. «Khozhdenie» kak zhanr v drevnerusskoy literature // Uchenie zapiski MGPI im. V.I. Lenina M, 1968. № 288. S. 3-18.
68. Ram B.Ya. Papstvo i Rus' v X–XV vv. M., 1959. 412 s.
69. Rybakov B.A. Drevnyaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. M., 1982. 412 s.
70. Rybakov B.A. Politicheskie idei russkikh letopistsev XII v. (Tezisy) // Pol'sha i Rus'. Cherty obshchnosti i svoeobraziya v istoricheskom razvitii Rusi i Pol'shi XII-XIV vv. / Pod red. B.A. Rybakova. M.: Nauka, 1974. S. 18-22.
71. Rishar Zh. Latino-Ierusalimskoe korolevstvo. SPb.: Evraziya, 2002. 447 s.
72. Sakharov A.N. Osnovnye etapy vneshney politiki Rusi s drevneyshikh vremen do XV veka // Istoriya vneshney politiki Rossii XV-XVII vek. M., 1989. 415 s.
73. Slovar'-spravochnik «Slova o polku Igoreve». M.-L.: Nauka. T. 1., 1965. 567 s.
74. Solov'ev S. M. Istoriya Otnosheniy mezhdru russkimi knyaz'yami Ryurikova doma. M.: Astrel', 2003. 445 s.
75. Tatishchev V.N. Istoriya Rossiyskaya. T. 2. M.: AST: Ermak, 2005. 735 s.
76. Tolochko O.P., Tolochko P.P.. Kyyivs'ka Rus'. K.: Al'ternatyvy, 1998. 352 s.
77. Tolochko P.P. Kyyivs'ka Rus'. K.: Abrys, 1996. 351 s.
78. Uspenskiy F. Edinogo deda vnuki: varyazhskie svyazi Ryurikovichy // Rodina. 2002. № 11-12. S. 143-147.
79. Uspens'kiy F.I. Istoriya Vizantiyskoy imperii. V 5 t. T. 4. M.: Astrel'; AST, 2005. 496 s.
80. Fedoruk A. Uchast' naselennya Bukovyny v khrestovyykh pokhodakh na Blyz'kyy Skhid naprykintsi XII - pochatku XIII st. //Bukovyns'kyy istoryko-etnohrafichnyy visnyk. Chernivtsi: Zoloti lytavry, 2002. Vyp. 4. S. 44-48.
81. Florovskiy A. Chekhi i Vostochnye slavyane X-XVII vekakh // Voprosy istorii. 1947. № 8. S. 67-73.
82. Florya B.N. U istokov religioznogo raskola slavyanskogo mira (XIII vv.). SPb.: Alteya, 2004. 215 s.
83. Khoniat N. Istoriya so vremeni tsarstvovaniya Ioanna Komnina. T. 2. (1186-1206 rr.). Ryazan': Aleksandriya, 2003. 455 s.
84. Yanin V.L. Aktovye pechati Drevney Rusi X-XV vv. T. 2. M.: Nauka, 1970. 324 s.
85. A history of the Crusades. Philadelphia University of Pensilvania press, 1955. 694 s.
86. Abicht R. Lied von Heerschaar Igorj's. Leipzig, 1985. 67 p.
87. Abraham W. Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lwów, 1904. 418 s.
88. Annales Jenuenses // MGH SS. T. XVIII, 1863. S. 96-212.
89. Asbridge T. Pierwsza krucjata. PoznańDom wydawniczy rebis. 386 s.
90. Balzer O. Geneologia Piastów. Kraków, 2005. 1020 s.
91. Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma. 1927. № 35. S. 74-95.
92. Brook Z.N. A history of Europe: from 911 to 1198. London, 1983. 543 p.
93. Cronika fratris Salimbene de Adam // MGH SS. XXXII, 1922. S. 1-128.
94. Długossii Joannes. Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae in 10 libros. Warszawa: PWN, 1973. Lib. 5-6. 432 p.
95. Ex historia regum Danorum dicta Knytlingasaga MGH SS. XXIX. S. 271-322.
96. Ihumena Daniela z ziemi ruskiej pielgrzymka do Ziemi Śwetej. – Poznań:Wydawnictwo Poznańskie, 2003. 178 s.
97. Grala H. Tradycja dziejopisarska o pobycie władcy Bizancjum w Haliczu (Jan Długosz i kronikarz Hustyński) // Kwartalnik Historyczny. 1986. R. XCIII. № 3. S. 639-661.
98. Gultzdolff V. Kievskaya Rus' mezhdru Skandinaviey, Konstantinopolem i latynskim Ierusalimskim korolevstvom v nachale v. // Mezhdunarodnyy s"ezd slavistov: Rezyume dokladov i pis'mennykh soobshcheniy. M., 1983. S. 526-527.
99. Kashdan A. Rus' – Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. S. 414-429.
100. Kronika Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. I. 699 s.
101. Kronika Polska Marcina Kromera, biskupa Warmińskiego. Sanok, 1857. T.I. 716 s.
102. Kugler B. Studien zur Geschichte des Zweiten Kreuzzuges. – Stuttgart, 1866. 223 s.
103. Li Estorie de Jerusalem et d'Antiohe // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux. T. V. Paris: Imprimerie Nationale, 1895. 621-649 s.

104. Lozinskij G. La Russie dans la literature francaise du Mouen Age // RESI. Paris, 1929. T. IX. P. 241-296.
105. Orderici Vitalis Angligene coenobii uticensis monachi Historie Ecclesiastice // Patrologiae cursus completes. Series Latina. T. 188, Paris, 1890. Col. 1-986.
106. Ottone Frisingensi Gesta Friderici I Imperatoris // MGH SS. T.XX. S. 337-496.
107. Harris J. Bizancjum i wyprawy krzyzowe. Warszawa, 2003. 272 s.
108. Regesta rehni Hierosolymitani (MXCVII-MCCXCI). Oeniponti, 1893. 521 s.
109. Saxonis Gesta Danorum / Olrik J., Reader H. Haunia, 1931. T.1. 520 s.
110. Vincentii Pragensis Annales // MGH SS. T.XVII. S. 654-576.
111. Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów Polskich Jana Dlugosza (do roku 1384). Kraków: Nakladem Akademii Umijetnosci, 1887. 406 s.
112. Serczyk W. Historia Ukrainy. Wroslaw-Warszawa-Kraków, 2001. 427 s.

УДК 94(100)“11/12”

**Военно-политические и династические контакты русских князей
с крестоносцами XII – начала XIII вв.**

¹ Виктор Мудеревич

² Инна Кубай

¹ Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, Украина
Черновцы, ул. Гайдара, 2а, к. 53, 58016

Кандидат исторических наук

E-mail: pjetro@rambler.ru

² Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, Украина
Черновцы, ул. Энтузиастов, 4б, 58016

Кандидат исторических наук

E-mail: innakubay@rambler.ru

Аннотация. Статья посвященная проблемам военно-политических контактов русских князей с крестоносцами. В частности рассмотрены взаимоотношения князей с скандинавскими, германскими, чешскими и польскими участниками военных кампаний на Ближний Восток. Хронологически эти симптоматические контакты ограничены периодом первых четырех походов. Русичи не участвовали в крестовых походах, однако неоднократно вступали в взаимоотношения с их участниками. Часто ради личных интересов. Особого внимания заслуживают династические связи князей с европейскими крестоносцами, которые сыграли фундаментальную роль в трансляции крестоносных идей на территорию Киевской Руси. Благодаря этому мы имеем возможность понять рецепцию этих идей в древнерусском социокультурном пространстве. Особенно интересна рефлексия древнерусских летописцев на события связанных с крестоносным движением.

Ключевые слова: крестоносцы, древнерусские князья, древнерусская дипломатия, скандинавские крестоносцы.